УДК 373.167.1

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.06

МЕЛАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИМЯ И ОБРАЗ

MELANIA OF RUSSIAN LITERATURE: NAME AND IMAGE

Антон Андреевич Аникин Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия

> Anton Andreevich Anikin Russian State University named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia

Аннотация

Предложен в развитии литературы аспект восприятия через обращение к личным именам персонажей. Разобраны различные стилистические решения за счет обращения к внутренней форме имени, а также насыщения ее новыми значениями. В центре исследования сравнительно редкое для русской культуры имя Мелания, судьба которого прослеживается в литературе XVIII—XX вв. Даны обобщающие выводы об эволюции имени в литературе и относительной самостоятельности этого процесса.

Ключевые слова: имя, Мелания, внутренняя форма, внешняя форма, эволюция.

Abstract

The article offers an original aspect of perception in the development of literature through the reference to the characters' personal names. Authors do not normally make up names, but use the ones that already exist. The name has already some meaning, which can be restored with the help of etymology, as well as from the previous experience of using it both in art and history, or in everyday life. This combination of the author's imagination and the life of the name is an interesting phenomenon that can be studied as a reflection of the author's style, and as a more original observation — the life of the name in the history of literature, and its own evolution. We have proposed and tested the hypothesis that such development has its own internal logic. The article analyzes various stylistic solutions by referring to the internal form of the name, as well as filling it with new meanings. The study focuses on the name Melania, which is relatively rare

for Russian culture and can be traced to the literature of 18th-20th centuries. This name offers some advantages in conducting the study, since it has not been used much in literature and has retained its original flair. The name with Greek roots comes from folk culture. It acquired symbolic meaning thanks to the story of St. Melania of Rome (5th century CE). It became a baptismal name, and later penetrated into the Western and Russian literature, mainly through hagiographies about St. Melania, written by the authors Gerontius and St. Demetrius of Rostov. The study presents almost all known, though rare cases of using the name Melania in Russian literature — from satirical attacks against Western and later Russian sentimentalism (d'Arnot — Prince Shakhovskoy), to the depiction of Russian national characters by Leo Tolstoy and A. N. Ostrovsky. Vladimir Dal and Nikolay Leskov used the folk variants of the name in their works. Finally, we look at the examples of using the name Melania in the 20th century: Maxim Gorky strongly dislikes this name when depicts one of his characters, a hypocrite whom he hates. The development evolves in opposites: idolizing — ridiculing, positive negative context, popularity — oblivion — revival, etc. Margaret Mitchell's novel "Gone with the Wind" played a significant role in bringing positive attitude to the name Melania. The results of the observations lead to the general theoretical conclusions regarding the evolution of the name in literature and its relative independence.

Key words: name, Melania, inner form, outer form, evolution.

Введение. Целью работы является анализ закономерностей в употреблении личных имен у литературных героев. **Материалом** исследования является русская литература с экскурсами в фольклорное творчество и европейскую культуру.

Методология. Используется методология сравнительно-исторического литературоведения в сочетании с методикой потебнианской школы в представлении о внутренней и внешней форме слова, а также русская традиция именологии, такие фундаментальные опыты, как «Имена» П. А. Флоренского, «Философия имени» А. Ф. Лосева.

Литература пестрит именами, редко встречаются одинаковые имена, и, кажется, выбор имени связан только с авторским замыслом. Но попробуем разобраться, не живут ли имена своей собственной жизнью, воплощая в разных текстах некую линию развития имени: вот как живет, допустим, Евгений («Онегин», «Медный всадник», Базаров и др.), Ольга («Онегин», «Обломов», «Попрыгунья» и другие произведения)...

Мы же возьмем не такое распространенное, обыденное имя — Мелания!

Не так уж наглядны примеры в мировой литературе — что сразу приходит на ум? Да, пожалуй, легко всплывает героиня М. Митчелл, подруга Скарлетт из «Унесенных ветром», а что же еще?

Основная часть. История имени всегда уходит в глубокую древность. Собственно, имя уже обладает своей художественностью, это непременно образ, это поэзия со своим обязательным атрибутом — внутренней формой (термин А. А. Потебни, широко разработанный современным филологом Ю. И. Минераловым [Потебня: 22]). Можно заметить, что чем более распространено имя, тем его внутренняя форма становится менее значимой, другое дело — сравнительно редкие имена, в них история более жива, ближе путь к предыстории имени.

Такова и Мелания: греческий корень означает «темная», на греческом имя — Мέλαινα, а ближайшее однокоренное слово в русском — меланхолия (черная желчь). Имя вовсе не имеет какого-то мрачного отпечатка, достаточно привести в пример жизнерадостную жену 45-го президента США Дональда Трампа, бывшую фотомодель с совершенно лучезарной внешностью, славянку по происхождению.

Внутреннюю форму определяют известные носительницы имени, и у истоков — св. Мелания Римлянка, персонаж начальных веков христианства (ок. 383—439 гг. н. э.). В православной церкви память 13 января н. ст., 31 декабря ст. ст. Есть сравнительно недавно, в конце XIX в., открытое древнее жизнеописание Геронтия середины V в., прежде источником было жизнеописание Симеона Метафраста (ок. 900—960 гг. н. э.), а также — в авторстве русского св. Димитрия Ростовского (1651—1709): Житие преподобныя матере нашея Мелании Римляныни, по изданию 1764 года, Киево-Печерская лавра. В данных памятниках отмечается высокое происхождение из семьи римской знати, необычайное богатство, уступающее лишь императорам, поразительная красота, вера в Христа, ради которой Мелания отказывается от имений, жертвует бедным и монастырям, отстраняется обоюдно с мужем от телесной близости, основывает монастыри, проповедует, совершает чудеса исцеления.

Таков первоисточник образа Мелании в литературе, однако это не является чисто художественным вымыслом, в основе лежит предание, подлинная биография. Для литературного контекста этот образ является архетипом, с которым соотносится любое дальнейшее обращение к этому имени, даже если позднейшие образы развертываются в противную сторону (как у М. Горького) или внешне нейтральны к исходному (как у В. М. Шукшина).

Имя Мелания получило широкое распространение у разных христианских народов, если в Европе и Америке это имя вполне обыденно, то в России оно не так часто встречалось и приобрело несколько простонародный оттенок с использованием этимологически неверной, но более ясной формы *Маланья*, со славянским корнем «малый», без исконного греческого значения. Собственно, можно часто встретить обыгрывание этой двойственности в имени: *Мелания* или *Малания* как строгое и бла-

городное наименование и наименование просторечное (ниже разберем примеры).

Приход Мелании в русскую литературу явился достаточно поздним и связан с переводом французской небольшой повести «Люси и Мелани» в 1782 г., автор — Бакюлар д'Арно (1718–1805). В русском переводе заглавие еще выразительнее: «Люция и Мелания, или Две великодушные сестры». Повесть не отличается художественным совершенством, громоздка, шаблонна, как и большинство явлений сентиментализма: «Мелани пленяла, не прилагая к тому усилий; все поступки ее озарены были приятной кротостью, и посему она влекла к себе не столь красотой, сколь добрыми чувствами... Обе женщины являли собой пример самого редкого и возвышенного благородства» [Арно]... Но все же в этом шаблоне заложен определенный алгоритм, отразившийся вплоть до «Унесенных ветром», впрочем, как и любовные коллизии *Люси* — *Мелани*д' Эстиваль и Скарлетт — Мелани-Эшли. В свою очередь, в повести д'Арно есть и переклички с житием Мелании Римлянки: необыкновенная страсть переходит в монашеский обет безбрачия и, конечно, все умирают... Нет никакой нужды более обращаться к тексту XVIII столетия, он отжил свое.

Оставим в стороне присутствие имени в русском фольклоре, это ряд сказок и поговорок: это иная тема, здесь не отчетливы временные координаты текста. Отметим сборник сказок В. И. Даля под названием «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским» (1832), где есть «Привередница»: «Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболе, а Ивашечке всего пошел третий» [Даль]. Сказка поучительная, но едва ли здесь есть связь с внутренней формой имени, как и в пословицах из знаменитого сборника того же В. И. Даля (1853–1862), скорее, здесь имя отражает лишь внешнюю форму, мелодику или рифму, а присуще чаще всего лишь вздорному персонажу: «Охала Маланья, что уехал Ананья»; «Судила Маланья на Юрьев день, по ком справлять протори»; «Какова Маланья, таково ей и поминанье»; «Сряжается что Маланья на свадьбу». А вот положительный пример: «В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед» [Пословицы: 147, 897, 772, 588, 5081.

Имя в фольклоре обычно звучит как *Маланья*, что объяснялось выше. Такая двойственность отразилась и в самом раннем литературном использовании имени — в комедии А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805), этой едкой пародии на сентиментализм: «Вчера Маланья, трогательная пастушка, гнала добреньких коров, романических овечек, сытеньких сви-

нок гибкою хворостинкою в скромный скотный двор. Она пела: По горам, по горам! Голос ее раздавался в душах наших». Сентиментальный путешественник граф Пронский требует, чтоб эту добродетельную крестьянку именовали без всякой народной этимологии: «Мелани, а не Маланья! Послушай, если ты еще осмелишься огрубить слух мой, я, для чести литературы и сентиментализма, дам тебе почувствовать силу руки моей», — обращается он к своему слуге: «Какая грубость! какое невежество! можно ли так портить самые интересные имена? Это только терпимо у нас!» [Шаховской: 115].

Нечто подобное есть и у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Звала Полиною Прасковью...», — наша Маланья же в сюжете Шаховского пародирует и «Бедную Лизу» (1792) Н. М. Карамзина, оставаясь героиней чистой, христолюбивой, простосердечной, но и вполне ироничной, как положено в комедии: «Добрая женщина, ты меня трогаешь! — Что ты, барин, перекрестись, я до тебя и не дотронулась». Здесь не забыто толкование имени Мелания по святцам, но и вероятен выпад против повести д'Арно.

Итак, в русской литературе имя Мелания встречается редко. Есть пара заметных Маланий у А. Н. Островского — «Не все коту масленица» (1871) и «Трудовой хлеб» (1874), это все кухарки при господах, причем в комедии 1874 г. хозяин зовет Маланью *Аглаей*, ради высокого слога. Эти героини второстепенные, олицетворяют простодушие, незлобивость, услужливость, при этом создают ироническую атмосферу. Едва ли Островский видит в имени что-либо иное, нежели выражение простонародного положительного, но незначительного типа. Негативный простонародный образ Маланьи, сожительницы хозяина кабака, создан мельком в очерках Г. И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» (1866), к чему мы вернемся.

Несколько более ранним, чем у Островского, явлением, но весьма важным стало обращение к имени Мелания у Л. Н. Толстого, здесь можно отметить авторскую тенденцию и симпатию. Глеб Успенский начинал свое творчество в журнале «Ясная Поляна», но перекличка меж двух Маланий едва ли вероятна.

Самая знаменитая героиня, которую можно числить среди любимых у Толстого в «Войне и мире», — это девочка Малаша, присутствующая невольно на совещании в Филях, третий том, часть третья (1866—1867): «Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилетняя девочка, которой светлейший, приласкав ее, дал за чаем кусок сахара, оставалась на печи в большой избе» [Толстой 1951а: 280]. Малаша не только вызывает симпатию у Кутузова в столь напряженной сцене, т. е. сильно располагает к себе, а за этим стоит глубокая душа, но и внимательно следит за всем, наделена живым умом и чувством, автор отчасти дает сцену ее глазами: «Малаша, которая, не спуская глаз, смотрела на то, что делалось перед

ней, иначе понимала значение этого совета. Ей казалось, что дело было только в личной борьбе между "дедушкой" и "длиннополым", как она называла Бенигсена. Она видела, что они злились, когда говорили друг с другом, и в душе своей она держала сторону дедушки» [Толстой 1951а: 282] — так Мелания проявляет веру в истину, открытую и младенцу.

Более ранним у Толстого было использование имени в произведениях 1862 г., опубликованных лишь посмертно: «Идиллия», «Тихон и Маланья», так что в великий роман имя пришло уже привычным для художественного мира писателя.

Маланья в этих набросках сельской идиллии выписана с любованием своей героиней — красавицы, умницы, способной на труд и веселье: «Баба-то твоя молодая день-деньской замучается, а домой идет, хоровод ведет, песенница такая стала, где и спрашивать с нее, человек молодой, куражный; а народ хвалит, очень к работе ловка, и худого сказать нечего» [Толстой 19516: 355]. Да, Мелания Римлянка не славилась весельем, но отличалась остротой ума, речи, всегда была любима народом.

Замужество своей героини Толстой рисует как бы в противоположность житию святой: это полнота брачных отношений, верность супругов, радость. Зеркальность в развитии образов подразумевает сознательную авторскую перекличку: если святая, познав брак, уходит от телесного супружества, то Маланья наоборот, будучи выданной замуж в 14 лет («Вовсе ребенок несмысленой была»), три года не любила мужа — «жили по-Божьему и исправно, так и не принуждали молодайку ни к работе, ни что» [Толстой 19516: 347], — пишет Толстой, рисуя полноту и праведность жизни, опровергая монашеский путь, но оставляя за своей Меланией укоренившийся положительный и жизнестроительный облик.

Симпатия к имени сохранилась у Толстого и в дальнейшем, можно говорить об авторской привязанности к именам: автор не нарушает логику имени, верен однажды принятому смыслу, сохраняет тем самым внутреннюю форму имени. Трудно представить, чтобы раз выбранное имя превратилось в свою противоположность, и так у каждого автора.

К имени Мелания Толстой вернется в позднем своем произведении, тоже народной стилистики — «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» (1885). В этом тексте сестра играет малозаметную роль, смиренно трудится, живет подобно монашенке, а в финале сказки, после всяких перипетий борьбы с дьяволом и победы над ним, утверждается простой закон для целого царства, закон, открытый Маланьей: «Полез старый дьявол за стол, а немая девка ухватила его за руки, посмотрела — нет мозолей, и руки чистые, гладкие, и когти длинные. Замычала немая и вытащила дьявола из-за стола.

А Иванова жена ему и говорит:

— Не взыщи, господин чистый, золовка у нас без мозолей на руках за стол не пускает. Вот, дай срок, люди поедят, тогда доедай, что останется» [Толстой 1982: 338].

Так Лев Толстой сохранил верность имени Мелания на протяжении десятилетий творчества, и борьба с дьяволом отнюдь не такой наивный мотив, чтобы и здесь не увидеть переклички с житием святой!

Имя Мелания бытовало и в дворянском сословии, такова героиня И. С. Тургенева в повести «Старые портреты» (1881), где героиня «<...> первой слыла красавицей по Москве, la Venus de Moscou» [Тургенев: 338]: следует история замужества, давнего покровительства со стороны графа Алексея Орлова, жизни в богатом, но далеком от столичной жизни имении, которая схожа с гоголевской повестью «Старосветские помещики». Тургенев относит рождение своей героини ко второй половине XVIII в. и вполне правдоподобно использует имя *Малания*, но и с соответствующим эпохе оттенком западного сентиментализма: «Алексис, ты должен лучше меня знать. — Будь покойна, Мелани!» (супруга героини зовут так же, как и графа Орлова, а год ее рождения вырисовывается как 1774-й) [Тургенев: 340].

С житием святой судьба этой тургеневской девушки никак не перекликается, но героиня сугубо добродетельна, щедра, супруг еще подчеркивает, «<...> будто она очень остра на язык <...>», что косвенно можно связать с житием святой, но повествователь дает и определение «<...> была глупа, что называется, до святости» [Тургенев: 339]. Заметим, что имя осмыслено автором и во внутренней форме: в рассказе встречается слово «меланхолия» [Тургенев: 341].

Сильная фольклорная и литературная традиция отразилась и в сказке Н. С. Лескова «Маланья — голова баранья» (1888—1899). Это история о праведнице, которую в людях почитали глупой (в духе и предыдущей сказки Л. Н. Толстого), но в конце все ее достоинство оценено сполна: «Маланья осталась жить и все живет, как прежде жила, и все то же делает, что и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее "Маланьей — головой бараньей", и сама она это имя позабыла» — имя теперь ей стало «Любовь» [Лесков]. Сказка насыщена именно христианскими обращениями и вполне перекликается с житием святой.

Так к началу XX в. сложилась достаточно определенная традиция использования имени в исключительно позитивном, возрождающем внутреннюю форму имени контексте: внутренняя форма определяется не столько корневой этимологией, сколько опытом употребления имени и его авторитетным первоисточником.

В революционные годы традиция разрушается, что сказалось и на судьбе имени: ярким примером здесь будет А. М. Горький с его нигилистическим отношением к русскому прошлому.

Едва ли не самый омерзительный не только у Горького, но и во всей мировой литературе женский образ носит имя Мелания в пьесах 1932—1933 гг. «Егор Булычев и другие» и «Достигаев и другие». Это игуменья, настоятельница монастыря, что уже указывает, что автор подбирал имя со знанием дела и с ненавистью: игуменья лжива, жадна, жестока, невежественна, ханжа в каждом своем слове — вот как отразилась здесь св. Мелания, тоже настоятельница: «И — на кой дьявол нужна вам эта... волчиха, игуменья? Она вас по щекам хлещет, а вы служите ей, как собачка... на задних лапках. Она — купчиха, дисконтёрша, ростовщица... вообще — гадина!» [Горький: 99].

На знание внутренней формы имени указывает не только чин, но и обыгрывание этимологии: почтительно игуменью зовут *Меланией*, а Булычев, да и Достигаев в первой пьесе, подчеркнуто именуют *Маланья*, простонародно.

Ненависть Горького к им же созданной героине не знает границ, нарастают пороки: игуменья оказывается и любовницей Булычева, и обличается в содомии: «Поезжай в свою берлогу с девчонками, клирошниками лизаться! Глафира — блудодейка, а ты? Ты кто?», — указывает Егор [Горький: 35].

В стилистике Горького привычны оскорбительные клички, Меланию бранят «вороной полоротой», «собакой», медведицей, а особенно — волчихой: «Старая собака! Волчиха! Волчиха-а...» [Горький: 105].

При всем буйстве авторских чувств, антихристианском пафосе, игуменья Мелания — не только один из самых отвратительных, но и один из самых слабых, грубо сделанных образов в литературе. Неудача М. Горького может быть связана именно с нарушением внутренней формы имени, авторским произволом.

Предположим, что на восприятие имени у позднего М. Горького могло повлиять выдвижение на заметный план «Растеряевой улицы» — театральной постановки Малого театра в 1929 г., текст М. Нарокова на основе очерков Г. И. Успенского. Здесь мелкий персонаж стал значительно ярче, особенно в исполнении В. Н. Пашенной. Это было событие в культурной среде, вот как об этом пишет знаток русского театра С. Н. Дурылин: «Все: и "психология" этой "девицы из Каширы", падкой на мужскую ласку и на сладкое ничегонеделанье, и цветистость ее речи без мысли, и ее жизненная походка, самоуверенно-хищная и вместе ленивая, с томной "развальцей", — все было дано Пашенной уже в этой одной фразе "И чего это я такая нежная?"» [Дурылин: 291].

М. Горький довел до предела снижение имени Мелания.

Кажется, после М. Горького имя Мелания в русской литературе перестало появляться— не мудрено, внутренняя форма имени получила такое ущемление... В некоторых произведениях писателей почвенной ори-

ентации Мелания/Маланья встречается, это обычно простонародный, душевный образ, как в «Сельских жителях» В. М. Шукшина между прочим: «Бабка — энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная» [Шукшин: 91]. Едва ли имя здесь раскрывает свою историю, только народный колорит.

В зарубежной литературе имя Мелания более распространено, как и в самой жизни. Настоящим триумфом имени стал роман М. Митчелл «Унесенные ветром» (1936), в России книга была переведена лишь в середине 1980-х, издавалась миллионными тиражами, была чрезвычайно популярна. Так имя Мелания оказалось реабилитированным, несмотря на очевидные художественные слабости романа, заставляющие вспомнить давнюю сентиментальную повесть: «За эти искренние и непосредственные порывы ее великодушного сердца все любили Мелани и невольно тянулись к ней» [Митчелл: 185]. Мелани Уилкс/Гамильтон, конечно, не достигает святости Мелании Римлянки, но является образцом христианского служения людям, пусть и с непременными ошибками и грехами, вплоть до убийства ради спасения. Впрочем, история Мелани и Скарлетт настолько общеизвестна, что не стоит вдаваться в пересказ.

Книга М. Митчелл, пусть и с запозданием, сыграла большую роль не только в восприятии американской литературы русским читателем, но и в судьбе имени.

В современной России родители нередко стали давать своим дочерям имя Мелания, руководствуясь лишь им ведомыми соображениями. Думается, что литература сыграла здесь заметную роль.

Выводы. История имени в искусстве является не только самостоятельным аспектом изучения, но и самостоятельным эволюционным процессом: зарождение имени, становление традиции, разрушение традиции, восстановление, переосмысление, забвение.

Имя может входить в культурный контекст вопреки художественной ценности произведения или героя-носителя; даже не становясь нарицательным, имя реализует свою внутреннюю форму как самодостаточная образная единица, выходя из родивших его текстов для самостоятельного бытования. Так, многие произведения с именем Мелания не обладают значительными художественными достоинствами, но их «результатом» стало закрепление имени в культурной традиции, включая и переклички между текстами исключительно благодаря связующему их имени, а не тематике или жанрам. Имя живет своей жизнью.

Этимология имени не всегда играет значительную роль — важнейшее влияние на внутреннюю форму имени оказывает его авторитетный реальный носитель, а также авторитетные литературные герои. Так, значение имени «темная» (с греч.) ощутимо крайне редко, зато указания на ключевые черты св. Мелании вполне узнаваемы даже без специального упоми-

нания, аллюзии. В нашем случае ключевую роль играют уходящие в глубь веков жития Мелании Римлянки и святцы (тексты Геронтия, Симеона Метафраста, Димитрия Ростовского).

Взаимодействуют историческая традиция, фольклорное творчество и актуальное бытование имени в социуме. Имя Мелания характерно для народного быта и фольклора, что отразилось в ряде авторских сказок или переложений (В. И. Даль, Н. С. Лесков).

Авторское отношение к имени передает мировоззрение и дух времени, а также индивидуальные вкусы творца. Так, в восприятии имени Мелания преобладает ориентация на житие святой, но вдруг у М. Горького это приобретает резко негативные, оскорбительные черты. У писателей «почвенного» направления имя овеяно любовью, отмечена особая «привязанность» к имени Мелания у великого Льва Толстого.

Встречается забвение или обеднение внутренней формы имени, а также доминирование формы внешней (звучание, ритм). В пословицах или текстах советской эпохи (В. П. Астафьев, В. М. Шукшин) аллюзия на житие святой не присутствует, реализуется простонародный оттенок имени, а также его мелодика, включая рифму (Маланья — оладьи и др.).

История имени отражает процесс взаимодействия культур народов, объединенных общими, иногда отдаленными историческими корнями. Так, Мелания вошла в русский контекст как пародия на французский сентиментализм, а была «актуализирована» в позднейшие времена благодаря роману американской писательницы.

Мелания — прекрасное и своеобразное имя со своей судьбой, отразившей историю европейской и — шире — христианской в своих истоках культуры. В современной русской культуре имя стало даже популярным, что связано не с детальным знанием его истории, а со сложившимся благодаря, в т. ч. литературе, некоему «образу имени». Появился в XXI в. и бульварный роман «Мелания» (автор С. Согрин, классификация «18+») как явление массовой квази-культуры.

Литература

Бакюлар д'Арно. Люси и Мелани URL: https://www.litmir.me/br/?b=571172&p=94.

Горький А. М. Егор Булычев и другие; Достигаев и другие // Горький А. М. Полное собрание сочинений: В 25 т. Т. 19. Москва: Наука, 1973. С. 5—127.

Даль В. И. Привередница URL: http://www.skazayka.ru/priverednitsa/.

Дурылин С. Н. Вера Николаевна Пашенная // Дурылин С. Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Москва: Издательство журнала «Москва», 2014. С. 270-300.

Лесков Н. С. Маланья — голова баранья URL: http://dugward.ru/library/leskov/leskov malanya.html.

Минералов Ю. И. Введение в славянскую филологию. Москва: Высшая школа, 2009. 320 с.

Митчелл М. Унесенные ветром. Баку: Язычи, 1991. Т. 1. 608 с. Т. 2. 592 с.

Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 992 с.

Потебня А. А. Теоретическая поэтика. Москва: Высшая школа, 1990. 344 с.

Свт. Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга вторая. Издание Киево-Печерской лавры, 1764 URL: https://dimitryrostovsky.ru/creations/zhitija-svjatyh-kniga-vtoraja-dekabr-janvar-fevral/.

Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3 // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 5—406.

Толстой Л. Н. Идиллия; Тихон и Маланья // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 347-365.

Толстой Л. Н. Сказка об Иване-дураке... // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 10. Москва: Художественная литература, 1982. С. 316-341.

Тургенев И. С. Старые портреты // Тургенев И. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 326—348.

Шаховской А. А. Новый Стерн // Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1961. С. 105—182.

Шукшин В. М. Сельские жители // Шукшин В. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Москва: Молодая гвардия, 1985. С. 90–98.

References

Bakyular d'Arno. Lyusi i Melani URL: https://www.litmir.me/br/?b=571172&p=94.

Gor'kij A. M. Egor Bulychyov i drugie; Dostigaev i drugie // Gor'kij A. M. Polnoe sobranie sochinenij: V 25 t. T. 19. Moskva: Nauka, 1973. S. 5–127.

Dal' V. I. Priverednicza URL: http://www.skazayka.ru/priverednitsa/.

Durylin S. N. Vera Nikolaevna Pashennaya // Durylin S. N. Sobranie sochinenij: V 3 t. T. 3. Moskva: Izdatel'stvo zhurnala "Moskva", 2014. S. 270–300.

Leskov N. S. Malan'ya — golova baran'ya URL: http://dugward.ru/library/leskov/leskov malanya.html.

Mineralov Yu. I. Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu. Moskva: Vysshaya shkola, 2009. 320 s.

Mitchell M. Unesennye vetrom. Baku: Yazychi, 1991. T. 1. 608 s. T. 2. 592 s. Poslovicy russkogo naroda. Sbornik V. I. Dalya. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1957. 992 s.

Potebnya A. A. Teoreticheskaya poetika. Moskva: Vysshaya shkola, 1990. 344 s.

Svt. Dimitrij Rostovskij. Zhitiya svyatykh. Kniga vtoraya. Izd. Kievo-Pechorskoj lavry, 1764 URL: https://dimitryrostovsky.ru/creations/zhitija-svjatyh-kniga-vtoraja-dekabr-janvar-fevral/.

Tolstoj L. N. Vojna i mir. T. 3 // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij: V 14 t. T. 6. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1951. S. 5–406.

Tolstoj L. N. Idilliya; Tikhon i Malan'ya // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij: V 14 t. T. 3. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1951. S. 347–365.

Tolstoj L. N. Skazka ob Ivane-durake... // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij: V 22 t. T.10. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. S. 316–341.

Turgenev I. S. Starye portrety // Turgenev I. S. Sobranie sochinenij: V 12 t. T. 8. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury, 1956. S. 326–348.

Shakhovskoj A. A. Novyj Stern // Shakhovskoj A. A. Komedii. Poemy. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1961. S. 105–182.

Shukshin V. M. Sel'skie zhiteli // Shukshin V. M. Sobranie sochinenij: V 3 t. T. 2. Moskva: Molodaya gvardiya, 1985. S. 90–98.

Сведения об авторе: Антон Андреевич Аникин; кандидат филологических наук; доцент; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина; доцент кафедры русского языка; ORCID 0000-0003-0103-8089; aanikin@rambler.ru; сфера научных интересов: история, теория, преподавание литературы.

The author's profile: Anton Andreevich Anikin; Candidate of Philology; Associate Professor; Russian State University named after A. N. Kosygin; Associate Professor at the Russian Language Department; ORCID 0000-0003-0103-8089; aanikin@rambler.ru; research interests: history, theory, methods of teaching literature.